Тема номера: Образование и молодёжь в России

Особенности профессионально-трудового самоопределения молодёжи

Семенова Людмила Андреевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

e-mail: semenlud@mail.ru

Особенности профессионально-трудового самоопределения молодёжи

Аннотация

Молодёжь – кадровый потенциал, будущее страны. Поэтому важно знать, с какими трудовыми ориентациями, установками выходит молодёжь на рынок труда и как они могут сказаться на качестве работы молодого специалиста, под влиянием каких факторов происходит профессиональное самоопределение, выбор профессии и с какими трудностями при этом сталкивается юноша или девушка, насколько устойчива ориентация на избранную профессию, как взаимодействуют рынок труда и рынок образовательных услуг в современном российском обществе и т. п.

Abstract

Youth is a workforce potential and in this way the future of the country. Therefore it is important to learn what labour orientations and attitudes characterize young cohorts entering the labour market and in what way these attitudes influence working behavior, identity formation, career and problems that young people face. The article speculate on how sustainable professional orientation is, how the labour market and the market of educational services interact in the modern Russian society.

Ключевые слова: профессиональные ориентации, профессиональный выбор, профессиональное образование, социальная адаптация, трудовые ориентации, рынок труда

Keywords: career guidance, career choice, vocational education, social adaptation, labour orientations, labour market

Молодёжь – это стратегический ресурс инновационных преобразований в России, которые во многом зависят от успешности профессионально-трудового самоопределения молодёжи и её вхождения в социум, адаптации в нём. Особенности адаптационного процесса в России обусловлены, с одной стороны, глубокой трансформацией всего устройства общества,

связанной с изменением форм собственности, становлением и развитием рыночных отношений, которые определяют качественные изменения в социально-экономическом поведении людей. С другой стороны, период кардинальных социально-экономических преобразований характеризуется высокой степенью нестабильности самой среды, темпы изменения которой далеко не всегда учитывают адаптивные возможности населения. В частности, для пореформенной России стало объективной реальностью чётко фиксируемое социальное расслоение, социальное неравенство. Кроме того, положение усугубляется разразившимся в 2008 г. финансово-экономическим кризисом. Все эти процессы и тенденции существенным образом сказываются на профессионально-трудовых, социальных ориентациях и моделях поведения современной российской молодёжи, о чём пойдет речь ниже. Таким образом, в статье рассматриваются проблемы и особенности адаптации молодёжи на пороге социально-профессионального старта, а именно: проблемы профессионального выбора и возможностей его реализации в современном российском обществе.

Основным мотивом выбора профучилища для дальнейшего обучения является желание побыстрее получить специальность, стать самостоятельным, начать зарабатывать деньги (53,2–57,7% опрошенных).

Профессиональный выбор – трудности и особенности

Выбор профессии – это разрешение противоречия между субъективными предпочтениями индивида и внешней по отношению к нему социальной ситуацией, влияющей на возможности реализации этих предпочтений. Профессиональное самоопределение можно представить как состоящую из трёх звеньев систему: профессиональная ориентация – профессиональный выбор – реализация профессионального выбора, и на каждом из названных этапов возникают трудности и проблемы.

Как свидетельствуют результаты наших исследований[1], мотивы профессионального выбора молодёжи самые разнообразные и зачастую совершенно не связаны с выбором конкретной профессии. Специальность выбирается стихийно, в значительной степени под влиянием внешних факторов, при этом не обращается внимание на её востребованность на рынке труда. Например, если школьники поступают в профучилище (ПУ), вряд ли это можно назвать строго сознательным профессиональным выбором. Скорее это, с одной стороны, отбор – ибо школа избавляется от «слабых» учащихся, а с другой – это выбор подростком жизненного пути. Основным мотивом выбора профучилища для дальнейшего обучения является желание побыстрее получить специальность, стать самостоятельным, начать зарабатывать деньги (53,2–57,7% опрошенных). Более

[1] В статье используются данные исследований, проведённых под руководством автора в 2005–2010 гг. среди учащихся ПТУ Тулы, школьников 9 и 11 классов Подмосковья, студентов Москвы, Волгограда, Астрахани, Кирова.

чем для трети респондентов значимыми оказались советы родителей, родственников, хотя желание наследовать профессию матери (отца) выражено у меньшего числа опрошенных (13,2–24,5%). Каждый четвертый-пятый (20,1–24,9%) ответил, что выбрал ПУ, потому что учиться в другом учебном заведении ему не позволяют материальные возможности семьи. Невысок и уровень информированности опрошенных о получаемой профессии. Две трети знали о ней (поступая в училище) «лишь в общих чертах» (61,7–66,9%), имели о профессии «хорошее представление» значительно меньшее число подростков (26,4–31,9%).

В современных условиях профессиональное самоопределение молодёжи (выбор профессии, работы) задаётся не столько индивидуальными факторами (интерес к профессии, индивидуальные склонности, способности, призвание и т. п.), сколько социальными, внешними по отношению к содержанию выбранной профессии (материальные трудности с платой за обучение, проезд, проживание в другом городе, престиж профессии и т. п.).

Аналогичные тенденции мы выявили при опросе студентов Института туризма и гостеприимства Московского государственного университета сервиса (МГУС). Так, отвечая на вопрос «О получении какой профессии Вы мечтали, заканчивая школу?», менее трети (30,9%) назвали даже не столько профессию, сколько деятельность, связанную с туристическо-гостиничной сферой (иметь свою гостиницу, турфирму, ресторан, быть гидом-переводчиком и т. п.). Остальные хотели бы стать врачами, журналистами, дизайнерами, юристами; некоторые отвечали, что мечтали не о конкретной профессии, а о такой, которая позволяла бы общаться с людьми, «много путешествовать, а не сидеть в кабинете, за компьютером», то есть большинство не предполагало работать в той сфере, с которой связана получаемая ими профессия в вузе (опрашивались студенты, получающие специальность «экономика и управление туризмом»).

Можно сказать, что в современных условиях профессиональное самоопределение молодёжи (выбор профессии, работы) задаётся не столько индивидуальными факторами (интерес к профессии, индивидуальные склонности, способности, призвание и т. п.), сколько социальными, внешними по отношению к содержанию выбранной профессии (материальные трудности с платой за обучение, проезд, проживание в другом городе, престиж профессии и т. п.). Поэтому сужается свободный выбор и профессии, и конкретного учебного заведения.

С 2009 г. ситуация усугубилась новыми правилами приёма в вузы, когда можно подавать результаты ЕГЭ в несколько учебных заведений. Проведённый нами «по горячим следам» в октябре 2009 г. пилотажный опрос первокурсников в нескольких вузах Волгограда, Астрахани и Кирова выявил, что подавляющее большинство (88–96%) респондентов подавали документы в 1–5 вузов. При этом следует отметить, удовлетворены тем, что попали именно в данный вуз, далеко не все – 74,5% в Волгограде, 70% в Астрахани и 50% в Кирове, остальные в той или иной степени не довольны сделанным выбором, причём в Кирове это будущие врачи. Контрольный вопрос «Если бы Вам пришлось заново решать, чем заняться после окончания школы?», заданный первокурсникам, подтвердил обозначенную выше тенденцию, а именно: 75% в Астрахани,

63,8% в Волгограде и 58% в Кирове поступили бы в тот же вуз, где учатся сейчас, остальные выбрали другие варианты ответа, не связанные с данным учебным заведением. Фактически возможность подавать результаты ЕГЭ в несколько вузов, даже если ограничить их пятью, размывает мотивацию выбора профессии. Эксперимент с ЕГЭ обернулся ещё одним не учтённым реформаторами образования последствием – недобором в ссузы и ПТУ (которые выпускают специалистов рабочих профессий, наиболее востребованных сегодня на рынке труда), поскольку многие одиннадцатиклассники решили подавать документы в вузы. В итоге в 2009 г. в 171 техникуме приём документов был продлён до 15 сентября, а в некоторых ПТУ до 1 января 2010 г.

Фактически возможность подавать результаты ЕГЭ в несколько вузов размывает мотивацию выбора профессии. Эксперимент с ЕГЭ обернулся ещё одним не учтённым реформаторами образования последствием – недобором в ссузы и ПТУ (которые выпускают специалистов рабочих профессий, наиболее востребованных сегодня на рынке труда), поскольку многие одиннадцатиклассники решили подавать документы в вузы.

Отметим, что и старшекурсники, опрошенные нами в этих же городах и тех же вузах студенты, далеко не все удовлетворены своим профессиональным выбором – поступили бы в тот же вуз 72,9% волгоградцев и 41,2% кировчан. Приведённые выше данные говорят о том, что профессиональный выбор происходит в ситуации неопределённости, часто носит случайный характер. И это имеет далеко идущие последствия, как для личности, так и для общества в целом; в частности, слабую мотивацию к получению знаний, нежелание работать по полученной специальности, частую смену места работы, что негативно сказывается на профессиональном уровне специалиста и, как следствие, на инновационном развитии экономики.

Молодёжь испытывает значительные трудности при выборе профессии вследствие крайне низкой информированности в отношении существующих специальностей. В то же время в наших исследованиях фиксируется актуализированная потребность школьников, студентов в знаниях и о различных профессиях (тем более что в последнее время появилось много новых), и о ситуации на рынке труда. Опрошенные нами студенты (67% в Москве и 82% в Волгограде) высказались за то, чтобы в школе были уроки по профориентации, занятия, дающие представления о разных профессиях, о ситуации на рынке труда, способах самопрезентации на рынке труда; причём с каждым курсом у студентов потребность в знаниях такого рода возрастает в связи с «выходом» на рынок труда (многие студенты работают). Мнение о необходимости занятий по профориентации в школе разделяют и опрошенные девятиклассники – 45% безоговорочно выступают «за», а 18% считают, что они скорее нужны, чем нет. Помимо этого крайне актуально освоение молодёжью приёмов самопрезентации, знаний о стратегиях трудоустройства. Например, 55–60% учащихся профучилищ признались, что или совсем не знакомы, или знают о стратегиях поведения на рынке труда понаслышке, а около половины высказали мнение, что в училище необходимы специальные занятия по технологиям поиска работы.

Свёртывание системы профориентации школьников – одна из причин существующего катастрофического дисбаланса между российским рынком труда (который требует, прежде всего, рабочие, индустриальные, в том числе инженерные профессии) и образовательными услугами.

Свёртывание системы профориентации школьников – одна из причин существующего катастрофического дисбаланса между российским рынком труда (который требует, прежде всего, рабочие, индустриальные, в том числе инженерные профессии) и образовательными услугами. Система профориентации учащихся стала разрушаться в 1990-е гг. – утратились связи с базовыми предприятиями (исчезли и многие предприятия), ушли в прошлое планы трудоустройства выпускников средней школы, перестал внедряться курс «Выбор профессии». Свернули свою работу школьные кабинеты и уголки профориентации – самая массовая и доступная форма организации профориентационной работы в системе образования. Свертывание такой работы в школе, перенесение её в службы занятости (куда обращаются преимущественно взрослые, уже имеющие профессию или опыт работы) не способствуют формированию у выпускников реальных жизненных планов, осознанного подхода к выбору профессии и соответствующих мотиваций. В результате профессиональный выбор происходит в ситуации неопределённости, носит случайный характер. По нашим данным, от 53% (Волгоград) до 65% (Москва) студентов вузов получают не ту профессию, о которой мечтали, заканчивая школу, причём в процессе учёбы растёт число разочарованных в профессиональном выборе. Это побуждает студентов (в среднем около 25% опрошенных) ориентироваться на получение второго высшего образования, т. е. на пролонгирование периода ученичества. Интересно отметить, что среди опрошенных в 2008 г. студентов 1 курса Волгоградского пединститута намерение окончить ещё один вуз выразили 42%.

По нашим данным, от 53% (Волгоград) до 65% (Москва) студентов вузов получают не ту профессию, о которой мечтали, заканчивая школу, причём в процессе учёбы растёт число разочарованных в профессиональном выборе.

Желание продлить период ученичества вызывается:

1. Необходимостью преодоления кризиса профессиональной идентичности как следствия неудачного первого выбора профессии; второй выбор делается уже осознанно;

2. Стремлением получить более качественное образование, чем первое;

3. Отсрочить вступление во «взрослую» самостоятельную жизнь, связанную с выходом на рынок труда, принятием ответственности за выполняемую работу, необходимостью строить отношения с коллегами, руководством, соблюдать трудовую дисциплину и т. п.;

4. Желанием «отодвинуть» вступление в трудовой период, связанный с трудностями поиска работы в условиях безработицы (особенно в условиях экономического кризиса), и создать своеобразный «социальный ресурс» в виде получения нескольких профессий, что облегчит в будущем поиски работы.

Всё чаще наблюдается ситуация, когда после получения профессионального образования молодёжь обращается к дополнительным формам обучения в различных типах учебных заведений, в системе переподготовки кадров и т. п. (для многих

переподготовка является единственной возможностью получить работу), и реже ситуация, когда молодой человек сразу приступает к работе, окончив одно учебное заведение. Так продлевается период ученичества, молодости, следствием чего является отсроченная социально-профессиональная социализация, затягивается процесс включения молодёжи в трудовую деятельность, во «взрослую» жизнь.

Для современной ситуации в России характерно изменение модели социального старта: интеграция молодёжи в общество отличается большей сложностью и продолжительностью, чем прежде; молодёжь дольше остаётся в системе образования, с трудом находит нишу на рынке труда, материально зависит от родителей.

Сложности социально-профессионального «старта»

Для современной ситуации в России характерно изменение модели социального старта: интеграция молодёжи в общество отличается большей сложностью и продолжительностью, чем прежде; молодёжь дольше остаётся в системе образования, с трудом находит нишу на рынке труда, материально зависит от родителей. Поэтому ориентация на работу по полученной специальности в ряде случаев может быть неустойчивой и зависеть от конкретно складывающихся обстоятельств. В нашем исследовании около половины учащихся профучилищ никак не связывают своё будущее с избранной специальностью и не собираются по ней работать. Названная тенденция фиксируется и у студентов вузов различных профилей, в том числе даже военных. Тот факт, что более половины выпускников вузов работают не по специальности, свидетельствует о несоответствии предложения спросу на квалифицированные кадры, о разбалансированности системы образования, её несоответствии структуре потребностей рынка труда, что происходит вследствие ослабления профессионально-экономической функции образования. Последнее из опосредующего выбор профессии института превратилось в самодостаточный институт и перестало служить целям утверждения человека в профессии. Молодой человек овладевает сколько угодно количеством профессий, не собираясь в них работать. Специальность не рассматривается ни как сфера приложения своих усилий, ни как инструмент интеграции в социальную структуру.

Несогласованность действий таких важнейших институтов социализации, как образование и занятость (трудовая, профессиональная), по причине отсутствия планирования подготовки кадров, порождает невостребованность обществом квалифицированных кадров из числа молодёжи.

Несогласованность действий таких важнейших институтов социализации, как образование и занятость (трудовая, профессиональная), по причине отсутствия планирования подготовки кадров, порождает невостребованность обществом квалифицированных кадров из числа молодёжи. Социальные последствия этого – рост риска депрофессионализации и нисходящей социальной мобильности наиболее квалифицированных молодых людей, рост безработицы среди молодёжи. Нынешних 18–20 летних безработица сопровождает всю сознательную жизнь и является для них не чем-то нелегитимным, а скорее нормой. Возникает инерция привычной безработицы, «культура безработицы» с опасными социальными последствиями,

а именно: нестабильность занятости, отсутствие опыта трудового участия формирует ориентацию на незанятость, которая со временем становится устойчивой, доминантной.

По данным наших опросов, 80–90% студентов-старшекурсников очень озабочены проблемой трудоустройства после окончания вуза, а от 20,3% (Волгоград) до 35% (Киров) совмещают учёбу с работой не только ради дополнительного заработка, но и с целью приобретения опыта работы, который весьма востребован работодателями при трудоустройстве.

Проводимый нами ежегодный мониторинг статистических данных положения молодёжи на рынке труда позволяет говорить о довольно устойчивой тенденции: по данным РОССТАТа, в целом по России число молодёжи до 25 лет среди безработных колеблется в последние годы в пределах 27–29% (со значительными отличиями по регионам; в Москве, например, на конец июня 2010 г. доля безработных в возрасте 16–29 лет составила 18,1%). На февраль 2011 г. молодёжь в возрасте до 25 лет составила среди безработных 25,9% (т. е. каждый четвертый), в том числе в возрасте 15–19 лет – 4,4%, 20–24 лет – 21,6%. По сравнению с январем 2011 г. численность безработных в возрасте 15–24 лет выросла на 49 тысяч человек или на 3,5%. Высокий уровень безработицы отмечался в возрастной группе 15–19 лет (30,3%) и 20–24 лет (16,3%) (см.: [1]). На этом фоне логично, что, по данным наших опросов, 80–90% студентов-старшекурсников очень озабочены проблемой трудоустройства после окончания вуза, а от 20,3% (Волгоград) до 35% (Киров) совмещают учёбу с работой не только ради дополнительного заработка, но и с целью приобретения опыта работы, который весьма востребован работодателями при трудоустройстве.

Если нет возможности утвердиться в мире взрослых легитимно, ищутся другие формы: не активно-позитивные, а негативно-активные – преступления, экстремизм, насилие, алкоголь, наркотики, самоубийство.

Молодёжная безработица, растущее социальное расслоение увеличивают разрыв между активно рекламируемым имиджем «молодости» и социальным опытом подростков, молодых людей, лишённых необходимых социальных и культурных ресурсов. Существуют большие группы молодёжи (в том числе как следствие социального, возрастного неравенства – у молодёжи, к примеру, меньше возможностей получить хорошую, тем более высокооплачиваемую работу, жилье и т. п.), для которых рекламируемые и навязываемые «прелести» молодёжной субкультуры недоступны. У них нет соответствующих ресурсов, возможностей для восходящей социальной мобильности. В подобной ситуации средством для приобретения желаемых статусных позиций, формирования чувства собственного достоинства, самоутверждения может стать уход в криминальную деятельность, «делинквентное решение». Если нет возможности утвердиться в мире взрослых легитимно (Как? Трудом? Но работу найти невозможно, да и не престижно это – «пахать за копейки»), ищутся другие формы: не активно-позитивные, а негативно-активные – преступления, экстремизм, насилие, алкоголь, наркотики, самоубийство. В январе–феврале 2011 г. количество преступлений, совершённых несовершеннолетними, достигло 10,6 тысяч, что составило 6,1% от общего числа совершивших преступления лиц. Растёт алкоголизация подростков. Число преступлений той же группы населения, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, достигает за этот период 1000 – увеличение

на 2,4% по сравнению с январём–февралём 2010 г. (см.: [2]). Тяжкие преступления подростков отличаются повышенной жестокостью и совершаются, как правило, в группе (а это уже организованная преступность). Повышается криминальная активность несовершеннолетних девушек, всё чаще подростки вовлекаются в экстремистскую деятельность. По свидетельству министра МВД Р. Нургалиева, рост безработицы на один процент даёт скачок преступности на 5% (см.: [3]).

В отсутствии возможности заняться деятельностью, которая соответствовала бы профессиональной ориентации или запросам молодых, их удовлетворяет сам факт наличия работы, будь то краткие договора, случайные подработки, работа, далёкая от полученной специальности, и т. п. Отсутствие постоянной занятости, частая смена работы, жизнь подработками, то есть транзитивные, промежуточные формы занятости, не способствуют развитию профессиональных трудовых навыков как предпосылки последующих высоких заработков, достижению более высоких статусных позиций, усвоению норм профессиональной субкультуры, формированию корпоративной трудовой этики, то есть установлению прочных социальных связей, интеграции молодёжи в социум. Молодой человек становится своеобразным «профессиональным туристом», путешественником по профессиям, часто меняющим профессию, специализацию, место работы. В современной России фактически складывается ситуация, когда профессиональное самоопределение начинается не до, а после получения профессионального образования. В этом плане характерно высказывание студентки московского Института туризма и гостеприимства: «Такой профессии, о которой мечтала в школе, не было. Думаю, что пойму это (какая профессия нравится – Авт.), когда поработаю на разных работах, и пойму, что ближе мне». Подобная межпрофессиональная мобильность имеет, пожалуй, лишь одно позитивное качество – повышает адаптивность индивида к изменяющимся условиям. Однако негативных последствий значительно больше обозначенных выше.

Сложное положение молодёжи на рынке труда, её неконкурентоспособность, малая востребованность работодателями усугубляется и другими факторами, к числу которых можно отнести:

1. Недостаток у молодёжи профессиональных знаний;

2. Отсутствие необходимой квалификации и трудовых навыков;

3. Нежелание работодателей нести дополнительные расходы, связанные с организацией профессионального обучения/переобучения молодых работников;

4. Необходимость предоставления ряда льгот несовершеннолетним работникам, предусмотренных Трудовым Кодексом РФ;

5. Уход молодых женщин в длительный отпуск, связанный с рождением ребёнка;

6. Инфантилизм, безответственность части молодых людей;

7. Невысокая деловая активность и др.

Наряду с этим, работодателями используются разнообразные «ловушки» как способы обмана неопытной молодёжи при трудоустройстве. Отметим также декларативность многих правовых норм, направленных на защиту молодёжи. Так, практически сошла на нет программа «Молодёжная практика» (принята в 1994 г.), направленная на организацию временной занятости безработной молодёжи. Не реализованы положения Федеральной целевой программы содействия занятости населения РФ на 1998–2000 гг., предполагающие гарантированное трудоустройство молодёжи, завершающей профессиональное образование; разработку мер, обеспечивающих приоритет молодёжи в приёме на предприятия всех форм собственности после завершения образования; активное содействие молодёжи в организации собственного дела, малого бизнеса и др.

Крепкая семья (студенты: 86,4–91,8%, школьники: 75–78%) и высокооплачиваемая работа (студенты: 52,5–67,1%, школьники: 58–59%) – это бесспорные и главные показатели жизненного успеха для большинства опрошенных.

В условиях сложностей с трудоустройством для молодёжи, необходимость браться за любую работу (то есть дисбаланс между профессиональным выбором и возможностями его реализации) ослабляет профессиональную социализацию как процесс усвоения социально-профессиональных норм и освоения ролевых моделей поведения (в том числе профессиональных), не способствует формированию устойчивых профессиональных групп, воспроизводству социальной структуры.

Социально-трудовые ориентации: некоторые тенденции

Изучение ориентаций опрошенных школьников и студентов позволяет говорить о том, что «успех в жизни», когда можно сказать «жизнь удалась», для них включает разные составляющие, но безусловное первенство занимает позиция «крепкая семья, дети» (студенты: 86,4–91,8%, школьники: 75–78%). Крепкая семья и высокооплачиваемая работа (студенты: 52,5–67,1%, школьники: 58–59%) – это бесспорные и главные показатели жизненного успеха для большинства опрошенных. Довольно значимы для них и высокие статусные позиции – занять положение в обществе, добиться авторитета хотели бы почти половина опрошенных (40–45%). В такой же степени оценивается «независимость, свобода в принятии решений в своей жизни», это скорее всего, – проявление юношеского максимализма, стремление уйти от родительского (и любого другого) контроля. Если говорить о «социальном проектировании» («моя жизнь через 20 лет»), то своё будущее

школьники и студенты связывают, прежде всего, с семьёй, детьми (не менее двух!), ближайшим окружением, успешной личной жизнью в целом, что ещё раз говорит об устойчивой ориентации молодёжи на семью, по крайней мере на вербальном уровне. Затем по убыванию значимости следует высокооплачиваемая работа, профессиональная деятельность; материальная обеспеченность, достаток; статус, престиж, жизненный успех, независимость в принятии решений. Социально ориентированных высказываний (приносить пользу людям, не быть эгоистом, жить не только для себя, но и для других и т. п.) очень немного. Можно сказать, что в молодёжном сознании фиксируется приоритет ценностей частной жизни, ориентация на личное благополучие и растущая отчуждённость от традиционных социальных институтов, властных структур и дистанцирование от старших поколений.

Какие ориентации, установки на труд сформировались, например, у школьников? Обратимся к результатам опроса старшеклассников одной из школ Подмосковья. Требования, которые ребята предъявляют к своей будущей работе, можно объединить в несколько групп (см. таблицу 1).

Таблица 1

Требования школьников к своей будущей работе (перечислены по мере убывания значимости)

Требования к работе	Процент от количества опрошенных
Высокая заработная плата	80
Приемлемые условия работы	36
Значимость трудового коллектива и отношений с руководством	32
Психологическая и эмоциональная удовлетворённость	20
Престижность	10

Требования к размеру заработной платы являются для школьников важнейшими. Большинство просто указали, что работа должна быть высокооплачиваемой, но встречаются и более чёткие требования: зарплата должна быть «без задержек», «чтобы вовремя платили», «не меньше 35 тысяч рублей», «должна быть зарплата, на которую я смогу содержать себя и свою семью», должно быть «огромное количество денег». Второй по значимости фактор – условия работы, удобные для респондента. К ним относятся наиболее часто упоминаемые график работы и условия труда, которые определяются школьниками как «хорошие», «соответствующие», «благоприятные», обращается внимание на то, чтобы работа была недалеко от дома. К графику работы ещё не работавшие школьники уже

предъявляют довольно чёткие требования: режим работы должен быть удобным, гибким, а продолжительность рабочего дня не должна превышать 12 или 8 часов, начинаться трудовой день должен не ранее 7–8 часов утра, при этом неплохо бы «иметь два выходных, два отпуска в год». Если оценивать труд по напряжённости, то работа, по мнению респондентов, должна быть «нетрудная», «лёгкая», должно быть «немного работы». Отмечают опрошенные и необходимость медицинской страховки и оплаты больничного листа, что свидетельствует об определённой информированности школьников в области социальной защиты.

Характерно, что успех в жизни, получение высшего образования и другие жизненные цели не связываются школьниками с конкретной профессией (эта «связка» зафиксирована в одном случае из 50).

Несомненно значимыми для большинства опрошенных являются потребительские ценности, желание приобретать дорогие вещи – называются прежде всего «шикарный автомобиль», «иномарка», квартира, дача, «коттедж не менее 400 кв. м.» и даже самолёт и т. п. Всё это школьники желают иметь, и лишь одна девушка ставит перед собой цель «самой заработать деньги на квартиру и машину». Постоянный кропотливый труд, даже если он приносит хороший доход, привлекателен далеко не для всех, куда заманчивее «иметь деньги, не напрягаясь». «Деньги, деньги, деньги», «быть богатым», «выиграть миллион рублей, положить в банк и жить на проценты, чтобы не работать» – это тоже ответы на вопрос о жизненных целях девятиклассников.

Таким образом, в социально-трудовых ориентациях опрошенных нами в Подмосковье школьников выявлены в качестве особо значимых в их будущей трудовой деятельности факторы высокой оплаты труда, наличие социального пакета, комфортные условия труда. Престижность профессии значима лишь для каждого десятого и ассоциируется, прежде всего, с высокой оплатой труда, возможностью занятия высоких статусных позиций и получения определённых благ. Характерно, что успех в жизни, получение высшего образования и другие жизненные цели не связываются школьниками с конкретной профессией (эта «связка» зафиксирована в одном случае из 50). Отмечено также, что понятия «Я» и «страна, в которой я живу», слабо соотносятся в сознании школьников, когда они строят жизненные планы. Россия упомянута в ответах дважды, причём с противоположным знаком: «сделать Россию лучше» и «уехать из России». Наконец, потребительские ценности для опрошенных школьников безусловно значимы, при этом кропотливый труд малопривлекателен.

Понятно, что от учащихся, ещё не вступивших в самостоятельную жизнь, не включившихся в трудовую деятельность, не стоит ожидать зрелых суждений об отношении к труду, к работе. Тем не менее, на уровне установки на труд можно говорить о том, что у многих молодых вызревает мотивационное отношение к труду, которое можно сформулировать так:

«лучше не работать, если можно не работать, а если работать, то только в той мере, в какой труд оплачивается, и чтобы при этом работа не мешала другим сторонам жизни».

В ориентациях школьников и студентов недостаточно представлены трудовые ценности, что является в какой-то степени отражением ситуации в обществе, которое в лице своих социальных институтов не уделяет должного внимания формированию трудовых ориентаций у молодёжи, акцентированию значимости труда для существования индивида и общества. В стране наблюдается явный дефицит художественных произведений (фильмов, спектаклей, телепередач, художественной литературы и т. п.), дающих труду позитивную оценку и утверждающих трудовую деятельность как путь к социальному успеху. Даже в современных школьных учебниках трудовой социализации уделяется меньшее внимание, чем в советское время. Например, Л. А. Окольская, исследовавшая проблему отражения трудовых ценностей и норм в школьных учебниках, пришла к выводу, что за последние 20 лет трудовые ценности и нормы, транслируемые учебниками, изменились. Сместился нормативный акцент с труда для других на труд для себя: в советских учебниках соотношение труда для себя и труда для других составляло 32% и 43%, а в современных – 48% и 31% (см.: [4]). Происходит движение от нормы трудового подвига на благо Родины к норме обыденного труда для благополучия индивида и его семьи. Сравнивая советские школьные учебники начала 1980-гг. и современные, Л. Окольская отмечает в последних актуализацию материальных ценностей, ослабление ценностей порядка, норм рационального использования времени и трудовой дисциплины, меньшее внимание уделено селу и связанным с ним видам деятельности, зато большее внимание уделяется работе в области науки и искусства, в сфере услуг, которая, кстати, «перетягивает» на себя трудовые ресурсы в российской экономике [4].

В ориентациях школьников и студентов недостаточно представлены трудовые ценности, что является в какой-то степени отражением ситуации в обществе, которое в лице своих социальных институтов не уделяет должного внимания формированию трудовых ориентаций у молодёжи, акцентированию значимости труда для существования индивида и общества.

Для опрошенных нами школьников и студентов характерны пассивные, неразвивающие формы проведения досуга.

Для формирования личности, её ценностных ориентаций, в том числе трудовых, особое значение имеет досуг. Для опрошенных нами школьников и студентов характерны пассивные, неразвивающие формы проведения досуга: большинство в свободное время предпочитает общаться с друзьями (68–80% школьников; 71,2–85% студентов); сидеть за компьютером (46–50% школьников, 42,3–63% студентов), смотреть телевизор, в том числе DVD и CD, слушать музыку (55–65%). Художественную литературу читают в равной степени мало как студенты, так и школьники (17–20%), столько же внимания уделяют своим «хобби» и занятиям спортом. Круг чтения студентов весьма узок – это в основном отечественные «женские» детективы (чаще других и в Москве, и в Волгограде называют Д. Донцову, Б. Акунина, Ю. Шилову, Н. Перумова, О. Робски, М. Семёнову, Т. Устинову) и произведения популярных современных зарубежных писателей (П. Коэльо, Д. Брауна, Дж. Роулинг, П. Зюскинда). Пассивные, неразви-

вающие формы проведения свободного времени не формируют навыки трудолюбия, работы над собой, работы с книгой, умения учиться. Высокий уровень включённости «в компьютер», компьютерные игры не может радовать, ибо, по мнению специалистов, развивающими являются лишь 20–30% компьютерных игр, остальные просто оболванивают молодёжь. Кроме того, интернет, к которому сейчас имеют доступ даже несовершеннолетние, забит порносайтами, разного рода «эдукативными программами» типа «Азбуки секса».

Ориентируясь на «символическое пространство значимых профессий», опрошенные нами школьники и студенты наиболее престижными считают профессии юриста, работника финансовой сферы, менеджера, экономиста, госслужащего, политика, работника шоу-бизнеса и т. п. Заметим, если респонденты называют профессию врача, то непременно уточняют – стоматолога или пластического хирурга. Респондентами не было названо ни одной рабочей и индустриальной профессии вообще.

Обозначившийся подход: «Не в рабочие пойду, а пойду в чиновники…»

Недостаточная информированность о специфике многих видов профессиональной деятельности, о ситуации на рынке труда ведёт к перекосам в представлениях молодёжи о наиболее престижных и востребованных профессиях. Не имея собственного опыта, молодые люди не всегда могут понять и сформулировать, чего они хотят, но очень чутко реагируют на сигналы, которые посылает общество, – насколько и какой труд оно ценит, насколько справедлива оплата труда и т. п.

Ориентируясь на «символическое пространство значимых профессий», опрошенные нами школьники и студенты наиболее престижными считают профессии юриста, работника финансовой сферы, менеджера, экономиста, госслужащего, политика, работника шоу-бизнеса и т. п. Заметим, если респонденты называют профессию врача, то непременно уточняют – стоматолога или пластического хирурга. Респондентами не было названо ни одной рабочей и индустриальной профессии вообще. И учебные заведения в избытке готовят кадры по «популярным» специальностям, открывают востребованные специализации в непрофильных вузах (например, в пединститутах готовят юристов и «менеджеров широкого профиля»), ориентируясь не на потребности рынка труда и работодателей, а на спрос молодёжи. Стремление получить «престижное» – экономическое, юридическое, финансовое и др. – вузовское образование оборачивается перепроизводством специалистов этого профиля, сложностями с трудоустройством по специальности, девальвацией вузовских дипломов.

Однако рынок труда испытывает потребность, прежде всего, в рабочих, в том числе высококвалифицированных. Так, по данным службы занятости, на рынке труда в Туле предложение специалистов с высшим образованием превышает спрос в 2,4 раза, со средним профессиональным образованием в 1,5 раза, тогда как спрос на рабочих-станочников в десять раз превышает предложение. Подобная ситуация наблюдается во многих регионах страны. В Москве, например, самыми востребованными летом 2010 г. были профессии водителя, слесаря,

продавца и т. п., а горожане искали профессии юристов, администраторов, дизайнеров и др. В целом же по Москве структура потребности в работниках на конец июня 2010 г. выглядела следующим образом: рабочие профессии – 63,3%; должности и специальности служащих – 37,7% (см.: [5]).

В наших исследованиях фиксируется падение престижа рабочих профессий у молодёжи, в качестве причин которого можно назвать:

Исчезает такой важный фактор трансляции профессиональной субкультуры, как рабочие династии, роль семейных традиций в профессиональном выборе детей.

1. Отсутствие экономических стимулов, в том числе неэффективная занятость на малоуспешных и неконкурентоспособных предприятиях, которые не могут и/или не желают платить соответствующую зарплату;

2. Ограниченные возможности для карьерного роста;

3. Непривлекательность физического труда для поколения, выросшего в новых условиях;

4. Усиление потребительских ориентаций, соблазн получения «лёгких денег»;

5. Отсутствие факторов «привязки» работника к предприятию, существовавших в советское время (возможность получить бесплатное жилье, развитая социальная инфраструктура – детские ясли, сады, базы лечения, отдыха и т. п.).

Исчезает такой важный фактор трансляции профессиональной субкультуры, как рабочие династии, роль семейных традиций в профессиональном выборе детей. По данным исследования, проведённого среди рабочих Удмуртии (см.: [6]), роль семейных традиций в наследовании профессии рабочего понижается с возрастом: в группе рабочих старше 50 лет продолжили семейную рабочую традицию 22,6%; в группе 40–49 лет – 13,8%; в группе 20–29 лет – 4,8%.

В совокупности с низкой заработной платой названные выше факторы способствуют не только падению престижности работы в промышленности, но утрате интереса к индустриальным профессиям вообще, в том числе со стороны молодёжи, которая не мотивирована к получению рабочих профессий, к работе на промышленных предприятиях. Перечисленные выше причины плюс разрушение системы подготовки кадров, как на уровне предприятия, так и на уровне государства, обернулись нарастающим дефицитом индустриальных профессий и массой рабочих вакансий на рынке труда. В этом плане симптоматично название публикации в «Российской газете»: «Завод кончается. В профессиональных училищах дефицит абитуриентов, а на производстве – квалифицированных рабочих» (см.: [7]). Речь идёт о том, что в Хабаровском крае план по набору в ПУ не выполняется несколько лет, а весной, в период выпуска, у ворот училища в очереди стоят работодатели с просьбой дать хороших ребят. В то же время в вузах города ажиотаж вокруг профессий стоматолога, переводчика, а конкурс в академию

государственной службы (профессия – чиновник) 18 человек на место. Подобная ситуация характерна и для других крупных промышленных центров.

Потребности рынка труда, перспективы развития страны свидетельствуют о необходимости совершенствовать, модернизировать, а не сокращать систему начального профессионального образования (НПО), призванную готовить рабочих того уровня и квалификации, которых требует современное производство[1]. Однако сегодня уже никто не агитирует за получение рабочих профессий. По представлениям школьников, идти в ПУ – заранее записать в себя в «лузеры», неудачники, поскольку рабочие профессии ассоциируются у них только с тяжёлым, неквалифицированным трудом, хотя современное производство испытывает большую потребность в рабочих высокой квалификации, способных трудиться на высокотехнологичных производствах.

Складывается противоречивая ситуация. С одной стороны, рынок труда требует квалифицированных специалистов рабочих профессий, с другой – система начального профессионального образования, готовящая их, испытывает серьёзные трудности: средний износ основных фондов материально-технического оборудования составляет 85%, износ учебного оборудования – 80–100%; то есть не обновляется материально-техническая база образовательных учреждений НПО, которые к тому же испытывают острую нехватку мастеров производственного обучения, а работающие мастера в основном пенсионного возраста. С ликвидацией института «базовых предприятий» изменились условия для прохождения учащимися производственной практики на рабочих местах, предоставлявшихся ранее работодателями бесплатно, что сказалось на качестве обучения и на успешности профессиональной адаптации учащейся молодёжи. Может ли в этих условиях система НПО готовить квалифицированных рабочих для современного производства, для поддержки процессов модернизации в стране?

Сегодня средний возраст высококвалифицированных рабочих приближается к 60 годам. Они немобильны и неспособны к переобучению, поэтому «омоложение» рабочих кадров чрезвычайно актуально и с точки зрения профессионального человеческого потенциала, и с точки зрения безопасности страны. Уже проблематично найти квалифицированные рабочие кадры для оборонных предприятий, производящих продукцию, которая обеспечивает обороноспособность страны, развитие высоких технологий и т. п. (они утеряны за время обвальной и непродуманной конверсии в 1990-е гг.). Неужели придётся набирать на эти заводы рабочих-иностранцев?... Описанной

[1] По данным РОССТАТа, в 1990 г. в стране работало 4328 учреждений начального профессионального образования, в 2009 г. – 2658, причём с 2005 г. сюда включаются учреждения высшего и среднего специального образования, реализующие программы начального профессионального образования. В 1990 г. в учреждениях НПО было подготовлено 1 млн 272 тыс. квалифицированных рабочих, в 2009 г. – 538 тыс. (См.: [8]).

выше ситуации с рабочими кадрами противоречат положения обсуждаемого сейчас нового Закона об образовании (проекта), в соответствии с которым в перечне уровней профессионального образования остались лишь среднее и высшее профессиональное образование, а исчезло начальное профессиональное образование, в учреждениях которого готовились молодые рабочие кадры. Кто будет их готовить – не ясно (в колледжах, согласно проекту, будут давать степень бакалавра). Но инновационной экономике нужны не только «мозги и умы», но и квалифицированные, «умелые руки», которые будут воплощать в жизнь инновационные идеи.

В последние годы растёт интерес молодёжи к профессии чиновника, о чём свидетельствует рост конкурса в вузы на специальность «государственное и муниципальное управление» (ГМУ). В 2010 г. на эту специальность в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) претендовали несколько десятков человек на место, в Высшей школе экономики (НИУ-ВШЭ) на 60 бюджетных мест было подано 1150 заявлений (см.: [9]). Аналогичная ситуация складывается в других городах и вузах, где имеется эта специализация, а в некоторых вузах она введена с этого года, т. е. набор на специальность ГМУ увеличился. Мотивация молодых: по их мнению, это возможность заработать лёгкие и большие деньги, обрести высокие статусные (властные) позиции, стать «успешными», некоторые рассматривают чиновничью карьеру как ступеньку к депутатству (например, среди опрошенных нами студентов факультета ГМУ Волгоградской Академии госслужбы 11,5% в качестве жизненной цели назвали «заняться политикой», для сравнения: среди студентов-медиков в г. Кирове – лишь 1,9%). Но как это согласуется с планами руководства страны по сокращению армии чиновников на 20% в ближайшие три года, с потребностями рынка труда? Не получим ли мы в итоге или раздутую армию чиновников, или рост безработицы среди молодёжи?

Заключение

Анализ результатов изучения проблем молодёжи, материалов СМИ позволяет говорить о том, что в обществе сложились как минимум три модели отношения к молодёжи, а именно:

- молодёжь как угроза (рост молодёжной преступности, молодёжные криминальные группировки, выступления футбольных фанатов, скинхедов, национал-большевиков и т. п.);

- молодёжь как жертва рыночных реформ, социально-экономических преобразований, кризиса, социального расслоения (безработица, отсутствие социальных гарантий, проблемы с получением качественного
- образования, жилья, возрастная дискриминация и т. п.);
- молодёжь как идеал («хорошо быть молодым», «молодым везде у нас дорога»; имидж молодости активно используется и пропагандируется рекламой: «Наш крем (шампунь, тренажер, напиток и т. д.) сделает вас молодым и здоровым»).

На наш взгляд, современная ситуация в России диктует необходимость, во-первых, переходить от восприятия молодёжи как потребительской группы, вызывающей зависть и раздражение, к пониманию молодёжи как социальной и трудовой проблемы; во-вторых, формировать и активно проводить в жизнь реально действующую, а не декларативную государственную молодёжную политику; в-третьих, необходима более чёткая координация между рынком труда и рынком образовательных услуг, дабы привести систему профессионального образования всех уровней в соответствие со структурой потребностей рынка труда.

Система подготовки профессиональных кадров не может работать «вслепую», то есть без прогноза потребности в специалистах определённого профиля, что, в свою очередь, связано с внутриэкономическими перспективами страны и, в конечном счёте, с вопросом, какая социально-историческая модель реализуется в современной России, по какому пути она будет развиваться. Пойдёт ли она по пути индустриального развития, став равноправным членом глобализирующегося сообщества, или превратится в его сырьевой придаток, страну «третьего мира», находящуюся под экономическим, политическим, культурным и пр. диктатом стран «золотого миллиарда», транснациональных корпораций. Ответив на этот вопрос, мы сможем прогнозировать, что ждёт наше общество через 10–15 лет, кто будет в нём востребован как профессионал, специалист.

Библиографический список

1. Сайт Федеральной службы государственной статистики. Занятость и безработица в РФ в феврале 2011 г. (по итогам обследования населения по проблемам занятости) URL: http://www.gks.ru
2. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности – январь-февраль 2011 г. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_88090 01.04.11

3. Шкель Т. Как уберечь детей от преступности. На Охотном ряду выслушали главу МВД // Российская газета. 18 мая 2006.

4. Окольская Л. А. Трудовые ценности и нормы в содержании начального образования (по материалам анализа школьных учебников). Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.соц.н. – М., 2006.

5. Потребности в работниках. Отчёт Департамента труда и занятости г. Москвы URL: http://labor.ru/?id=1012

6. Макарова М. Н. Стратегии воспроизводства рабочих как отражение их трудовых и образовательных ориентаций // Социологические исследования. 2007, № 8, с.59.

7. Завод кончается. В профессиональных училищах дефицит абитуриентов, а на производстве – квалифицированных рабочих // Российская газета. 22 июля 2008.

8. Сайт Федеральной службы государственной статистики. Начальное профессиональное образование. Число образовательных учреждений начального профессионального образования. URL: http://www.gks.ru

9. Поколение «Чи» // Известия. 18 августа 2010.